

*Александр Михилев
г. Харьков, Украина*

ДОСТОЕВСКИЙ О РОССИИ, СЛАВЯНАХ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Великий писатель земли русской Ф. М. Достоевский, силой своего творческого гения постигший и с необычайной художественностью выразивший глубинно-потаянные психологические тайны и мотивы поступков личности и в силу этого ставший писателем общечеловеческим, был одновременно и великим патриотом России. Пристальное всматривание в характер русского человека и всестороннее осмысление этого характера, соотнесение его с характерными чертами западноевропейского человека побудило его к осмыслению миссии России в общеисторическом развитии человечества.

Подлинный поэт в высшем смысле этого слова, Достоевский одновременно был и пламенным гражданином своей страны. Для него не существовало дилеммы выбора – поэт или гражданин, согласно известному принципу «потом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Подобно выдающимся художникам эпохи Возрождения, которые, являя собою тип цельной личности и блистая в различных сферах творческой деятельности, активно участвовали в политических битвах своего времени, кто пером, кто мечом, а кто тем и другим (Ф. Энгельс), Достоевский не только не чурался общественно-политической деятельности, но и создал для этой цели специальный журнал «Дневник писателя», который издавал с 1873 года вплоть до конца своей жизни.

«Дневник писателя» стал для Достоевского своего рода трибуной, с которой он непосредственно обращался к читателям со своей трактовкой самых актуальных вопросов российской и международной жизни.

Особое место в публицистике Достоевского занимают вопросы, связанные с особенностями духовно-нравственной природы русского народа и вытекающей отсюда миссией России; с взаимоотношениями России и славянских народов и России с Западом.

Суждения писателя о русском народе обусловлены его славянофильскими взглядами, страстным и последовательным приверженцем которых он был. Славянофильство для Достоевского – это прежде всего идея всече-

ловечности и исторической миссии России, о чем обстоятельно говорит он в «Признаниях славянофила». «Я во многом убеждений чисто славянофильских, – писал он, – развивая свое понимание славянофильства, – хотя, может быть, и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский *действительно* дальше не заходил в понимании славянофильства (с чем трудно согласиться: взгляды великого критика были, безусловно, значительно шире. – А. М.) Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самых славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России – началом, которое может быть даже и не строго политическим.

И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединённых славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [4, с. 195–196].

Как видим, славянофильство для Достоевского – это органический комплекс взаимосвязанных идей, включающий в себя, во-первых, объединение всех славянских народов «под началом России», во-вторых, воссоздание *духовного* (выделено нами. – А. М.) союза всех верующих в то, что именно России как лидеру объединенных славян надлежит сказать не только всему европейскому человечеству, но и всему миру новое и еще неслыханное слово «и что именно это слово будет заветом общечеловеческого единения» [Т. 25, с. 20]. То есть славянофильство для Достоевского – это прежде всего осознание вселенской миссии России, вера в ее великие силы и в ее гений, способный сказать судьбоносное для мира слово. Обратим внимание также на то, что он проницательно увидел «многие горькие

и самые роковые недоразумения западноевропейской цивилизации» и именно с Россией связывал их разрешение.

Величие и бескорыстие духа русского народа, вытекающее, как полагал Достоевский, из его приверженностью православному христианству, которое он сам исповедовал и в которое глубоко верил, он считал одной из его главных отличительных черт, «Неверие в духовную силу народа, – подчеркивал он в «Дневнике писателя» за январь-март 1877, – есть конечно, и неверие во всю Россию» [4, с. 10]. В этом неверии в русский народ Достоевский упрекал ту часть русской интеллигенции, которая слепо преклонялась перед Европой, перед так называемыми «цивилизованными» нациями Запада, видя в своих, русских людях, используя меткое саркастическое выражение Н. А. Некрасова, «варваров, дикое скопище пьяниц», – и настойчиво призывал внимательнее присмотреться к русскому народу, который, несмотря на века дикого угнетения и рабства, сохранил величие, красоту и собранность духа, свободолюбие и отвагу, удивительную отзывчивость.

В этой отзывчивости, которую писатель называл «всемирной отзывчивостью», заключалась, по его мнению, другая отличительная черта русского человека.

К этой мысли писатель обращается неоднократно. Так, в статье «Смерть Жорж Занда», опубликованной в «Дневнике писателя за 1876 год (май – октябрь)», говоря о Жорж Санд как писательнице, так много сделавшей для его творческого развития, писал: «У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. *Величайшее из величайших назначений, уже признанных русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, – не России только, не общеславянству только, но человечеству*». И далее: «... *всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского*» (выделено нами. – А. М.) [3, с. 30–31]. При этом как на один из аргументов русской всечеловечности он ссылается на то, что «всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс – роднее и понятнее русским, чем, например, немцам... Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторяющееся в других народах в такой степени во всю всемирную историю» [3, с. 31]. В этой особенности, кстати, Достоевский

усматривает «самый широко обещающий и самый пророческий факт в гаданиях о нашем будущем» [3, с. 31].

Всечеловечность русского человека нашла, по мнению Достоевского, ярчайшее воплощение в гении Пушкина. В очерке «Пушкин», который был произнесен им 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей русской словесности, Достоевский писал: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось» [5, с. 146]. Но эта уникальная способность поэта есть не что иное, как его способность, порожденная его любовью к народу, передать коренное свойство своего народа, ибо «народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все свое двухсотлетие с петровской реформы не раз» [5, с. 131].

Апофеозом утверждения органической связи национального народного духа и всечеловеческого начала звучат высказывания Достоевского о Пушкине в связи с кончиной Н. А. Некрасова: «Пушкин был не только русский человек, но и первым русским человеком. Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многообразные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал *о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и все возрождающего в нем начала*» (выделено нами. – А. М.) [5, с. 114].

Достоевский снова и снова утверждает, что «русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* (выделено Ф. М. Достоевским. – А. М.) черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»

[5, с. 146, 131]. Глубокая вера Достоевского в общеславянскую и общечеловеческую миссию России, обусловленную специфическим всеединяющим гением русского народа, не скрывает от него всей сложности реализации этой миссии и налагаемой ею ответственности. С одной стороны, он страстный поборник освобождения славянских народов от турецкого ига даже ценой военного вмешательства России и жертв русского народа, о чем свидетельствуют, например, его статьи «Война. Мы всех сильнее», «Не всегда война бич, иногда и спасение», «Спасет ли пролитая кровь?» и «Мнение «тишайшего» царя о восточном вопросе» [4, с. 94–102].

Особенно проявляется это чувство ответственности у него в период Балканской войны, когда Россия выступила на защиту истребляемых турками славянских народов – сербов, черногорцев, хорватов, болгар. Достоевский со страниц своего «Дневника» выносит на всеобщее обозрение зверства турецких солдат, чинимых по отношению к балканским славянам: поголовное истребление жителей славянских деревень, дикие убийства младенцев (вскидывать их на воздух «и ловить их на штык»), четвертование, сдирание кожи с живых мужчин и женщин.

Одна из его статей так и называется «О сдирании кож вообще. Разные aberrации в частности. Ненависть и авторитет при лакейской власти» [4, с. 44–47]. С гневным негодованием пишет он о нежелании цивилизованной Европы и русских западников осудить такие действия турок, о лицемерии западной цивилизации, которая руководствуется только своими корыстными интересами, принося в угоду им свои демократические ценности. С нескрываемым сарказмом Достоевский восклицает: «С людей? С каких людей? С крошечной только части людей, где-то там в уголке, с турецкой ..., о которой никто бы и не услышал ничего, если б не прокричали русские. Зато огромная остальная часть организма жива, здорова и благоденствует, торгует и фабрикует!» [4, с. 44].

Невыносимая для писателя мысль о том, что такое существует и допускается Европой пусть даже в одном маленьком уголке земного шара – «сдирание кожи с родных наших братьев», «буквальное сдирание кож, вот то самое, которое происходило в Болгарии и которым, оказывается, так любят заниматься победоносные турки» [4, с. 44], – «веско легла» ему «на душу» и вызвала его бурное возмущение: «Вот мнение Европы (решение, может быть); *вот интересы цивилизации* (выделено Достоевским. – А. М.), и да будут они опять-таки прокляты!» [4, с. 48].

Его горячая, неколебимая вера в русский народ и его великие силы, в народ, в который он «как в святыню верит» [6, с. 26] заставляет его снова обращаться к своим современникам с глубокой убежденностью в мессианской роли России, в ее ответственности за судьбы своих братьев славян. С другой стороны, он с пророческой горечью провидит последующую неблагодарность освобожденных Россией «братьев-славян» (статья «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» в ноябрьской книге «Дневники писателя» за 1877 г.).

Это «одно совсем особое словцо о славянах» представляет несомненный интерес, так как красноречиво свидетельствует о глубоком понимании Достоевским не только психологии отдельного человека, но и психологии и менталитета целых наций, что дает ему возможность предсказывать с поразительной силой точности развитие противоречивых процессов на десятки и сотни лет вперед. При чтении этой статьи создается удивительное ощущение, будто писалась она не в 1877 году, а по меньшей мере в конце XX – начале XXI столетия. Заявляя с полной уверенностью, что, во-первых, в ближайшем будущем все славянские племена Балканского полуострова «настоями и кровью России» [Т. 26, с. 77] освободятся от ига турок и обретут независимость, он подробно останавливается на том, что же произойдет дальше: «Именно, это второе состоит в том, что по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагоприятному, будто бы, характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут» [5, с. 78].

С потрясающей точностью описывает он поведение славянских стран, которое станет реальностью только в наши дни: и обвинение России в своих бедах, и неблагодарность за жертвы, понесенные Россией в борьбе за их освобождение (мол, если бы не вмешательство России, то и сами бы

освободились или же это сделала бы Европа) и заискивание перед Европой в стремлении доказать свою высокою культуру и цивилизованность, которой – де не обладает Россия...

«Но о теперешнем моменте, – пишет Достоевский, – я говорить не стану, к тому же мы ещё нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, – признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы России, так они давным-давно сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Мало того, *даже о турках станут говорить с большим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут непрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее...* Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» (выделено нами: А. М.) [5, с. 79].

Разве не эту картину наблюдали мы после распада Советского Союза, разве не трубят до сих пор националистически окрашенные политики и многие ученые люди славянских стран о своей исконной европейскости в отличии от азиатской России? Сколько тонн бумаги исписано «научными» доводами и заклинаниями о европейских корнях своего этнического происхождения, сколько миллионов слов брошено в эфир о европейском уровне своей культуры?

Достоевский точно предугадал повальное устремление славянских наций в Европу: «России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества» [5, с. 80].

Размышляя о том, что «образумление» славян все-таки произойдет, хотя и не ранее, чем через сотню лет, и что России для этого придется долго и упорно бороться «с ограниченностью и упорством славян, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинутся» [Т. 26, с. 81], Достоевский задает вопрос, а для чего все это России нужно, зачем ей брать на себя такую заботу?

Ответ его звучит следующим образом: «для того, чтоб жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечем, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания – вот это цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окончатся, обессилеют, умрут» [5, с. 81].

Это ответ подлинного патриота России, осознавшего всечеловеческую миссию своего народа и глубоко убежденного в том, что только в предельном напряжении сил в служении высшим бескорыстным идеям и высшим целям человечество (на что, по его мнению, способен только русский народ) коренится залог развития народа и государства.

Двойственность определяются и отношение Достоевского к Европе, к ее цивилизации и ее демократическим ценностям. От него не ускользает тот факт, что современная Европа в своем торгашеском меркантилизме измельчала, во многом утратила подлинные гуманистические ценности, подменив их сиюминутной выгодой и лицемерием. Вспомним приводимое выше суждение о Европе и ее цивилизации, закрывшей глаза на зверство турок по отношению к балканским славянам ради пресловутого сохранения мира и спокойствия в Европе. В статье «Мечты о Европе» [2, с. 83–87] он пишет о царящем раздоре между европейскими государствами вопреки пустым заявлениям, которые предрекают «мир долгий, всюду видя горизонт ясный, союзы и новые силы» [2, с. 84]; отчетливо видит «тамошнее разложение и обособление» [2, с. 84], чреватое войной (которая вскоре и разразится между Германией и Францией).

Его возмущает то, что меркантильная Европа не способна поверить в бескорыстие России по славянскому вопросу, равно как и ее постоянная враждебность по отношению к России. «Трудно представить, – заявляет он в статье «Нечто о политических вопросах» (1876), – до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев» [2, с. 121]. Эту же мысль он развивает в статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» (1877): «...все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением» по принципу «поскребите русского, и увидите татарина» [4, с. 22].

Поэтому, с гордостью заявляя о том, что «у нас – русских – две родины: Русь и Европа» (статья «Смерть Жорж Санд» 1876) и понимая Европу как духовно-интеллектуальное пространство, представленное такими гениями, как Данте, Шекспира, Гете, Диккенса, освоенное и воспринятое русским человеком как свое собственное, Достоевский более чем критически относится к современной ему Европе и к ее возможностям в качестве лидера и проводника идеи всечеловеческого единства. В статье «Дон Карлос и сэр Уаткин. Опять признаки «начала конца» (1876), обличая лицемерие английской демократии и свободы, позволяющей члену парламента Уаткину принимать с почтением «обагренного кровью тирана», Достоевский делает важный для понимания его позиции по отношению к Европе вывод: «И, однако, на деле там то же самое, что и везде в Европе; страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни» [2, с. 95].

В связи с этим представляется вполне закономерным его вывод о том, что «будущность Европы принадлежит России» [2, с. 122]. Вглядываясь в европейскую ситуацию близящегося конца века, Достоевские приходит к выводу, что в Европе беспокойно и что видимо, «пришли сроки уже чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготавливалось в мире с самого начала его цивилизации» [4, с. 6]. Говоря далее о трех идеях, встающих перед миром, католической, протестантской и славянской, загоревшейся и засиявшей на Востоке «небывальным и неслыханным светом», писатель именно в ней видит «третью грядущую возможность разрешения судеб человеческих и Европы» [4, с. 9]. Таким образом, Достоевский неизменно возвращается к исторической миссии России и славянских народов, для которых Россия – «покровительница, может быть, предводительница, но не владычица, мать их, а не госпожа» [4, с. 66].

Именно это присущее только русскому народу бескорыстное «все-единяющее, всепримиряющее и всевозрождающее» начало окрыляет Достоевского, наполняет его гордостью и устремляет его мысль в будущее, где он видит историческую миссию России в том, чтобы внести окончательное примирение в европейские противоречия, призвать народы «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению» [5, с. 148].

К этой мысли о всечеловеческой, о всебратской миссии русского народа в начале XX века обратится другой гений русской литературы – Александр Блок. В небольшой поэме «Скифы» (1918), в которой явственно слышны отголоски споров западников и славянофилов (и несомненное влияние Достоевского), А. Блок, отстаивая достоинство русского народа, напрямую перекликается со своим великим предшественником, когда пишет, обращаясь к европейским народам:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны.
Товарищи! Мы станем – братья! [1, с. 645]

Достоевский, постигший и с необычайной художественной выразительностью запечатлевший все глубины души русского человека с правдивостью, от которой «проходит трепет по душе человека» (критерий художественности, который писатель использовал для оценки гомеровской «Илиады»), был не только великим художником, но и великим гражданином и патриотом России, угадавшим ее историческую миссию и раскрывшим пути ее осуществления.

Список литературы: 1. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр / Александр Блок. – М.: Худож. лит, 1968. – 839. – (Библиотека всемирной литературы). 2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 22 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 407 с. 3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 23 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981. – 423 с. 4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 25 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1983. – 470 с. 5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 26 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1984. – 518 с.